

Образ жизни

Блок 5

№ 2

Среда, 5 января, 1999

Сегодня № 2 (109)

Анатолий Вишняевский
Прогноз

Россия: стиль жизни XXI века

2000 году среди сорокалетних жителей России все еще будут преобладать сельские уроженцы. Но среди тридцатилетних будет уже 63 процента коренных горожан, а среди двадцатилетних — 70. Десять лет спустя, в 2010 году, тридцатилетние станут сорокалетними, и среди них, естественно, будет примерно те же 63 процента коренных горожан, их доля среди новых тридцатилетних поднимется до 70, а вот доля городских уроженцев среди двадцатилетних выше 70 процентов уже не поднимется. Иными словами, двинувшее весь XX век вперёд сельско-поколений горожанцы пойдут к концу. Вступившее в нынешнее столетие почти сплошь сельское российское общество выйдет из него почти сплошь городским. А 2000—2010 годы станут первым в истории России десятилетием, стиль которого будет задавать коренные горожане, сделавшие большинство. Это очень важный рубеж.

Наибольшее ожидания связаны сейчас с изменением стиля деловой жизни. Натуральнохозяйственные отношения, свойственные дореволюционной деревне и во многом воспроизведенные в логике функционирования централизованного планового «социалистического» хозяйства, уже сейчас полностью изжили себя и быстро заменяются рыночными отношениями. Рынок — не только экономический, но и цивилизационный механизм. Он невозможен без конкуренции, без постоянной жесткой проверки эффективности деятельности каждого и его прямой ответственности за

успех. Деловая жизнь в условиях рынка требует массовых собранности и расчета, без чего до сих пор на Руси вполне можно было обходиться. Людям старших поколений, воспитанным в обстановке бесконтрольного «социалистического» патернализма, в утолической вере в скорое пришествие всеобщего благоденствия, уже, пожалуй, не изменится. Но молодые люди, вступающие в деловую жизнь в наши дни, с самого начала ориентированы на столкновение с суровыми рыночными реалиями, на активность в преодолении экономических трудностей. Поэтому стиль деловой жизни следующего десятилетия будет несравненно более утилитарным и рациональным, более жестким, нежели тот, к которому мы привыкли. Штольц все-таки победит Обломова.

Колеса рыночной экономики в любом случае закрутятся быстрее, и люди наконец окажутся включены в экономический кругооборот не только как винтики производственной машины, но и как потребители. Бедность которых служит помехой всему хозяйственному развитию. Имущественное расслоение усилится, но при этом все слои общества начнут выходить из нищеты, потребление и обслуживание его отрасли станут определять и в экономике, и в стиле жизни намного больше, чем сейчас.

Еще больше новизны следует ожидать в стиле гражданской жизни. Растванивание с тоталитаризмом, развитие институтов гражданского общества дается России нелегко. Девяно-

сти годы в этом смысле начались мучительно, и мука эта, видно, не скоро еще кончится. Ни многопартийность, ни гражданская свобода, ни уважение к собственности, ни законность, увы, не стали пока неотъемлемыми чертами стиля нашей жизни. Но все же она не стоит на месте. Глубоко укоренившийся страх перед начальством советских подланных мало-помалу уступает место чувству собственного достоинства российских граждан. Если процесс обновления политической жизни в России не будет сорван, стиль этой жизни в будущем десятилетии будет характеризоваться преобладанием либеральных ценностей, гораздо большей, чем сейчас, правовой защищенностью личности, развитой парламентской демократией и гораздо большим, чем сейчас, доверием граждан к политическим институтам. Дышать человеку в правовом пространстве будет легче. Но проблемы, конечно, не исчезнут, и некоторые из них, увы, надолго останутся чертами стиля российской жизни.

Одна из них — это политический экстремизм, злостная традиция нечуждого «Катехизиса» революционера. Во имя «попнейшего» освобождения и счастья народа «Катехизис» предписывает «всеми силами и средствами способствовать... тем бед и зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию». Бед и зол будет немало и в будущем десятилетии, будет, стало быть, и на чем паразитировать политическому экстремизму.

Другая тяжелая проблема нашего будущего

стиль жизни — живучесть политической и экономической коррупции и организационной преступности. Российская история, а затем и советская ее «монопольным политическим режимом не выработали противоядия против них вроде «протестантской этики». Сопротивление злу насильем, на которое только и может рассчитывать наше общество, способно дать лишь ограниченный эффект. Казалось бы, почему бы и нам не надеяться на изменение системы ценностей, рост духовности, укрепляющее нравы влияние религии? Мы и надеемся. Но дело это тонкое. Пока неясно, скажем, смогут ли перки все наших конфессий выйти из долгого опенения и занять подобающее место среди обновляющихся институтов гражданского общества или они предпочтут союз с темн из них, которые к такому обновлению не склонны.

Разумеется, не останется без изменений и стиль частной жизни. Но здесь перемены будут не столь радикальными. Как ни вездесущ был дух недавнего тоталитаризма, частная жизнь, конечно, не контролировалась ни в такой степени, как деловая или гражданская. Худо-бедно, но она все время обновлялась — медленно, но неуклонно. Поэтому сегодня интимные отношения людей, их семейное бытие и домашний быт, рождение и воспитание детей, одним словом, все, что лишь очень приблизительно очерчивается словами «частная жизнь», уже сильно модернизировано. Ближайшее десятилетие принесет не коренное изменение ее стиля, а лишь более полное развитие тех ее черт,

которые уже со всей определенностью задышали себе. Свобода индивидуального выбора в частной жизни достаточно широко признана в России уже и сейчас, хотя все еще время от времени возникает ридатели запрета аборт или развода, сторонники вмешательства «общественности» в семейные конфликты и т. п. В начале будущего века им будет труднее. Ценности индивидуального выбора естественны для городского общества. Они еще больше укрепятся, так же как и ценности самореализации, так что вряд ли люди станут мириться с какими-либо попытками ограничить свободу их личного выбора в частной жизни.

В конце нынешнего — начале следующего века Россия скорее всего предстоит вслед за западными странами пережить то, что некоторые авторы (D. van de Kaar, R. Lesthaeghe) называют «вторым демографическим переходом». Сложно изменить баланс ответственности человека перед самим собой и перед другими людьми, включая самых близких — супругов, детей. Особенно важным этот сдвиг станет для женщин, которые шаг за шагом будут отходить свое место в мире, свободном от двойного — мужского и женского — стандарта. Ценность семьи не упадет, но семейное счастье не станет более доступным. Брак станет более хрупким, увеличится число людей, не вступающих в брак, внебрачных рождений. Рождаемость же в целом скорее всего будет очень низкой. А вот здоровье улучшится, и продолжительность жизни почти наверняка повысится (конечно, если удастся избежать войн и экологических катастроф).

Все эти перемены не могут не затронуть и художественного стиля эпохи. Жизнь станет материально богаче, цветастее, ярче, динамичнее, на эстетических вкусах это скажется неоднзначно.

Впервые появятся много «достойных» людей, они начнут обустроить свой быт, неизбежно демонстрируя сомнительный вкус нуворишей, тягу ко всему дорогому, дилетантскому и претенциозному и навязывая его обществу. Эйфория потребления, стремление к «красивой жизни» захватит многих, и это проложит дорогу более свободной и раскованной, хотя и весьма поверхностной «массовой культуре».

Но тогда же будет идти работа и по решению серьезных художественных задач, выдвигаемых временем. Без этого, скажем, не вывести из эстетического тупика наши построенные маргиналистами урбанистические кентарвы, полугорода-полудеревни. Здесь массовая культура мало чем может помочь. Новый урбанизм, как это нередко бывало, способен задать тон всем эстетическим поискам, противостоящим стилизации и эклектике «красивой жизни». Положительное же их содержание составляет искания художественного образа мира, соответствующего духу гражданства России XXI века, новому типу личности, гораздо более индивидуализированной, автономной и активной, нежели личность Homo sovieticus в веке уходящем.

Хотим мы этого или не хотим, но современная жизнь удаляет нас от природы и заставляет жить пусть и в более комфортабельной, но и в более искусственной среде. Среда же эта, создаваемая по универсальным законам техники, тяготеет к предельной стандартизованности, что вступает в противоречие с индивидуализированными устремлениями человека. Синтез противоречивых начал, «природы» и «культуры», безликого технизма и тысячелетней эстетической традиции — такова задача, которую предстоит решить, вырабатывая художественный стиль будущего столетия.